

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Г. Ф. Благова

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ ТЕКСТОВ

(О методике изучения.

**О соотношении истории письменно-литературного языка
и исторической грамматики.**

О периодизации истории старописьменного языка)

Изучение истории тюркских языков, по крайней мере в республиканских тюркологических центрах, долго сосредоточивалось, помимо эдиционной работы, главным образом на инвентаризации языковых явлений разных уровней в отдельных средневековых тюркских текстах, с одной стороны, а с другой — на периодизации истории различных тюркских языков (прежде всего старописьменных), построения которой опираются преимущественно на экстралингвистические факторы. В настоящее время в числе важнейших задач тюркского языкознания выдвигаются сравнительно-исторические исследования, создание исторических грамматик отдельных тюркских языков, а также построение истории литературных языков¹, поэтому признано малоперспективным непосредственное сопоставление отдельных языковых особенностей средневековых текстов с материалами того или иного из живых тюркских языков и диалектов.

Между тем в современной отечественной тюркологии, в которой отчетливо проявляется стремление изучать памятники в связи с историей конкретного языка, все еще распространено сопоставление «по языковым особенностям» без соблюдения правил системности. Сопоставление ведется без учета того, что в таком слу-

---

¹ См.: А. Н. Кононов. Современное тюркское языкознание в СССР. Итоги и проблемы. — ВЯ. 1977, № 3; Тюркское языкознание в СССР за шестьдесят лет. — СТ. 1977, № 6. Ср.: Н. З. Гаджиева. О приемах лингвистического анализа при создании сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. — Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции. А.-А., 1976, с. 22.

чае тюркологу приходится оперировать показаниями, относящимися к разным формам существования языков², генетическая преемственность которых к тому же остается под вопросом. Сейчас уже становится очевидным, что далеко не все языковые факты, извлекаемые из средневековых тюркских текстов, обладают одинаковой доказательной силой при изучении тюркской грамматической системы в разные периоды ее истории, не все могут быть в равной мере использованы при построении исторической грамматики и периодизации истории того или иного общенародного тюркского языка, поскольку часть таких фактов обусловлена принадлежностью к другой форме существования языка, а именно к письменно-литературному языку.

Ясно, что в этих сложных условиях, прежде чем использовать языковые показания конкретных средневековых тюркских текстов для исторической грамматики общенародного языка, целесообразно подвергнуть их предварительной дифференцированной обработке. В этой связи на первый план должна быть выдвинута методика лингвистического изучения средневековых тюркских текстов и сопоставления их языковых показаний между собой. Особые методические приемы должны быть выработаны для сопоставления этих показаний с соответствующими данными живых тюркских языков и диалектов (основа для такого сопоставления подготавливается путем предварительного специализированного препарирования литературно-языковых данных). Важность и актуальность подобных разработок тем очевиднее, что до последнего времени именно методика исследования остается камнем преткновения для исторических грамматик отдельных тюркских языков³.

Историческое изучение тюркских языков в последние годы ознаменовалось поисками новых путей, а вместе с тем — многими успехами и находками, обеспеченными, прежде всего, системным подходом к анализу материала (здесь должны быть упомянуты работы С. Н. Иванова, Э. А. Груниной, Д. М. Насилова, В. Г. Гузева, И. В. Кормушина, Х. Г. Нигматова, Ш. Ш. Шукурова и др.).

В настоящее время можно с полным правом говорить также о становлении в этой отрасли тюркологии нового направления,

² Юсуф Баласагунский, например, прямо указывает, что этико-дидактическая поэма «Кутадгу билиг» написана им *buğa han tilinçe türk lûğatinçe «бограханским языком тюркскими речениями»* [R. R. A r a t. Kutadgu bilig. I. Metin. İstanbul, 1947 (далее — KB 1), 2A2, 13 — A3 B14]. Cp. *türki haqanı u Махмуда Кашгарского (Маҳмуд Қошғарий. Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрага тайёрловчи С. М. Муталлибов. Т. 1. Тошкент, 1960, с. 66)*. Самой этой терминологией указывается на разбедненность письменно-литературного языка (по крайней мере — его высокого, поэтического стиля) и народно-обиходного языка раннего средневековья.

³ А. Н. Кононов. Современное тюркское языковедение в СССР, с. 17.

опирающегося на функционально-стилистический подход к языку средневековых текстов (плодотворность такого подхода с ясностью определилась в широко проводимых изысканиях на материале славянских, романских и германских языков). Э. Р. Тенишев, подняв большой материал стилистически окрашенной лексики, различных типов готовых формул, обнаружил наддиалектный характер языка памятников древнетюркской руники и предложил функционально-стилистическую характеристику древнеуйгурского литературного языка; этими работами положено начало исследованию типологии древних и средневековых литературных тюркских языков⁴. Д. М. Насилов стремится учитывать функционально-языковые и социолингвистические факторы при рассмотрении памятников древнеуйгурского языка как объекта исторической грамматики тюркских языков; по его мысли, именно учет названных факторов должен способствовать более четкому разграничению проблем истории литературных языков и собственно исторической грамматики отдельных тюркских языков⁵.

Новое направление лингвоисторических разработок в тюркологии исходит из признания на деле особенности истории литературных языков, с одной стороны, исторической грамматики отдельных тюркских языков — с другой. О том, что без подобного разграничения не может быть достигнут решающий прогресс в соответствующих отраслях тюркского языкознания, говорилось уже не раз. Без такого разграничения не может быть поставлен и решен вопрос: какая роль должна быть отведена языковым свидетельствам памятников древней и средневековой тюркской письменности при создании исторической грамматики отдельных тюркских языков, а также при сравнительно-исторических исследованиях грамматики тюркских языков? Своеобразие тюркского средневекового литературно-языкового наследия, дошедшего до наших дней, не снимает проблемы исторических соотношений письменно-литературного языка и языка художественной литературы (вопрос о соотношении языка конкретного текста, или «языка писа-

---

⁴ Э. Р. Т е н и ш е в. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. — *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976; о н ж е. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка. — Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977; о н ж е. Исследование типологии древнетюркских литературных языков. — Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания» [ИВАН СССР]. М., 1977; о н ж е. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте. — ВЯ. 1979, № 2.

⁵ Д. М. Н а с и л о в. Памятники древнеуйгурского языка как объект исторической грамматики тюркских языков. — Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР, с. 188.

теля», и языка литературы изучаемого периода ⁶ вовсе еще не ставился на тюркском материале).

Литературный язык, по словам Л. В. Щербы, «хотя и находится с „общим“ в определенных функциональных отношениях, имеет, однако, свою собственную сложную структуру» ⁷. Целесообразно поэтому разграничивать как методические приемы, так в известной мере и объекты изучения для исторической грамматики отдельных тюркских языков и для истории литературного языка. Вместе с тем самостоятельный интерес представляет вопрос о стилеобразующих потенциях тюркской морфологии; соответственно речь может идти о вычленении предмета изучения исторической грамматической стилистики.

Морфология средневековых тюркских текстов изучалась комплексно: мы стремились сочетать при этом системный и жанрово-стилистический подходы ⁸. В соответствии с системным подходом в каждом из обследуемых текстов изучались не отдельные его языковые особенности, но совокупности системообразующих взаимосвязанных форм, которыми передается в нем та или иная грамматическая категория, в данном случае — склонение. На основе внутрисистемных соотношений этих форм, при учете места каждой из них в системе склонения, а также их облигаторности—необлигаторности, регулярности—нерегулярности, определялся тип склонения, представленного в тексте. В этой связи вводится понятие «базисная система склонения» изучаемого текста: это структурно выдержанная совокупность гомогенных падежных форм, как правило, наиболее употребительных в изучаемом тексте; они оказываются связанными между собой регулярными соотношениями. За пределами этих соотношений остаются гетерогенные по отношению к данной системе и необлигаторные (структурно излишние, не обязательные) инодиалектные падежные формы; обычно по своей употребительности они сильно уступают формам базисной системы.

В свою очередь жанрово-стилистический подход к анализу морфологии конкретных текстов нацеливает, прежде всего, на учет их жанровой специфики, как она преломляется в языке, и подразумевает необходимость дифференцированного обследования морфологии разножанровых текстов средневековья. В связи с жанрово-дифференцированным изучением грамматической си-

⁶ См.: В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959.

⁷ Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 31.

⁸ См.: Г. Ф. Благова. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV—начала XVI в. — Turcologica; она же. О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов. — ВЯ. 1977, № 3.

стемы по памятникам вводятся понятия «текстовое распределение» изучаемой формы, «текстовое ограничение» в употреблении любой такой формы. Характер текстового распределения изучаемых форм, отсутствие или наличие текстовых ограничений составляют один из тех критериев, совокупное применение которых помогает установить, следует ли относить ту или иную форму к базисной системе языка, или же ее надо считать инодиалектной формой.

Сопоставление показаний различных текстов ведется также жанрово-дифференцированно.

На материалах различных литературных языков, в том числе и тюркских, давно уже продемонстрирована специфичность поэтического языка с его богатой вариантностью форм. В нашем случае это важно иметь в виду, потому что целые периоды (особенно ранние) тюркской средневековой литературы представлены по преимуществу поэтическими жанрами. В силу такого большого веса средневековых тюркских поэтических текстов возникла необходимость в специальном методическом приеме для обработки их языка. Такой прием, реализующий в себе сочетание системного и жанрово-стилистического подходов, предлагается называть приемом расслоения средневековых поэтических текстов. В качестве предварительной необходимой ступени исследования прием расслоения включает в себя: филологическую интерпретацию употребления круга изучаемых грамматических форм в любом средневековом тюркском тексте.

Цель применения приема расслоения поэтических текстов двоякая. Во-первых и прежде всего, вычленив стилистически нейтральный языковой слой — тот самый, формы которого, по словам Л. В. Щербы, составляют значительнейшую часть языковой ткани любого литературного произведения⁹. Как правило, эта стилистически нейтральная и количественно преобладающая часть материала составляет «базисную грамматическую систему»; ее формы в памятниках, принадлежащих к одному историческому периоду, одному региону — юго-восточному, обычно не испытывают текстовых ограничений и могут считаться нормой для письменного-литературного языка этого периода.

Вместе с тем прием расслоения помогает выделить литературно-обусловленное варьирование грамматических форм и, прежде всего, определить инодиалектный слой форм, гетерогенных по отношению к базисной микросистеме. Наряду с литературной обусловленностью (чаще всего — требованиями ритмико-метрической организации стихового текста) такие инодиалектные формы характеризуются как ограничениями в их количественном распределении (внутри одного памятника), так и текстовыми ограничениями.

⁹ Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность, с. 269.

Применительно к группе текстов прием расслоения дополняется жанрово-дифференцированным сопоставлением их языковых показаний. Признается целесообразным вначале сопоставлять в языковом отношении тексты, происходящие из одного региона и принадлежащие одному историческому периоду, строго придерживаясь жанрового признака. Такому сопоставлению подлежат цельные грамматические микросистемы, предварительно изученные в языке каждого из сопоставляемых текстов с помощью приема расслоения. Естественно, при этом в каждом тексте учитываются специфические соотношения между формами, составляющими эти микросистемы.

В том случае, когда от данного исторического периода сохранились тексты разных жанров, вовлечение их в изучение станет эффективным при условии, если жанрово-дифференцированное сопоставление будет многоступенчатым, а сопоставление одножанровых текстов будет включено в него как одна из начальных ступеней обследования¹⁰.

При опоре на совокупность названных приемов может быть осуществлена комплексная обработка языка средневековых тюркских текстов. Суть ее состоит в том, что лингвистическое изучение текстов при учете их жанровой дифференциации ведется сразу по нескольким направлениям, а именно: историческая грамматика отдельных тюркских языков, история письменно-литературного языка, историческая грамматическая стилистика; материалы, добытые таким путем при обследовании одного текста (или группы текстов), непосредственно распределяются по этим трем смежным дисциплинам.

Вопрос о том, соответствует ли действительности такое распределение по названным дисциплинам тех данных, которые извлечены из одного текста, остается актуальным даже в случае, когда изучаемый памятник обладает степенью репрезентативности, достаточной, казалось бы, для адекватной оценки языковых показаний¹¹. Решению этого вопроса как раз и помогает системное жанрово-дифференцированное сопоставление. Проиллюстрируем сказанное конкретным анализом.

Для XI в., например, к жанрово-дифференцированному сопоставлению привлекалось склонение, как оно представлено в этико-дидактической поэме Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг»

¹⁰ Ср. перекрестный анализ языка средневековых литературных произведений (Р. И. А в а н е с о в. К вопросам периодизации истории русского языка. — Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 18).

¹¹ См.: М. М. Г у х м а н, Н. Н. С е м е н ю к. О некоторых принципах изучения литературных языков и их истории. — ИАН СССР. Серия литературы и языка. 1977, 5, с. 444.

и в поэтических фрагментах «Дивану луғат ит-турк» (Словаря) Махмуда Кашгарского¹².

Материалы Словаря весьма разнообразны, и об их происхождении высказывались противоречивые мнения. С. Е. Малов, например, называл поэтические фрагменты Словаря «кашгарскими песнями» и относил их к «уйгурско-кашгарскому фольклору»¹³. И. В. Стеблева, опираясь на мнение В. В. Бартольда о том, что среди стихов Словаря есть несомненные образцы придворной поэзии, доказала, что эти стихи написаны «разнообразными метрами аруза с большей или меньшей погрешностью в них»¹⁴.

В своем сопоставлении мы исходим из того, что как в поэтических фрагментах Словаря, так и в пословицах с поговорками и прозаическими примерах, используемых Махмудом Кашгарским в качестве иллюстративного материала, представлены формы обработанного языка — будь они письменно-литературными или же устно-литературными. Высокая степень обработанности, наддиалектный характер языка фольклора со всей очевидностью были показаны в специальных исследованиях¹⁵. Эти же лингвистические качества тюркоязычных устных произведений любых жанров, начиная с древности, по крайней мере с XI в., возвышающие их язык над резкими местными диалектными особенностями (первичными диалектными признаками, по В. М. Жирмунскому¹⁶), подтверждаются сопоставительным анализом разных групп иллюстративного материала Словаря Махмуда Кашгарского. Именно в силу высокой степени лингвистической обработанности фольклорных произведений любых жанров, вплоть до пословиц и поговорок, между их языком и письменно-литературным языком изучаемого периода нельзя провести резкой грани. Эти соображения о характере обработанности языка устного народного творчества

¹² Маҳмуд Қошғарий. Девону луғотит турк. Таржимон ва нашрага тайёрловчи С. М. Муталлибов. Тошкент, 1960—1967 : 1—1960, 2 — 1961, 3 — 1963, [4]. Индекс-луғат — 1967 (далее: МК I—IV). См. описание языка названных памятников: Э. Тенишев. Указатель грамматических форм к «Дивану тюркских языков» Махмуда Кашгарского. — «Труды Института языка и литературы АН КазССР». Т. 3, 1963; Т. А. Боровкова. Грамматический очерк языка «Дивану луғат-ит-турк». АКД. Л., 1966; К. Каримов. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». АКД. Таш., 1962.

¹³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 306, 313.

¹⁴ И. В. Стеблева. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971, с. 7, см. с. 22.

¹⁵ См., например: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

¹⁶ О первичных и вторичных диалектных признаках см.: В. М. Жирмунский. Проблемы колониальной диалектологии. — Язык и литература. 3. Л., 1929, с. 18 и сл.; см. также: Г. В. Степанов. Учение В. М. Жирмунского о первичных и вторичных диалектных признаках в приложении к новой Романи. — Ареальные исследования в языковедении и этнографии. Л., 1977, с. 71 и сл.

могут быть, в частности, аргументированы тем, что в тюркоязычной письменной литературе различных жанров (сначала поэтических, а впоследствии также и прозаических), начиная по крайней мере с XI в., средневековыми авторами, например Юсуфом Баласагунским, Ахмадом Югнаки, Алишером Навои, Захир ад-Дином Мухаммедом Бабуром, охотно использовались народные пословицы и поговорки.

При аргументации положения о том, что между языком фольклорных произведений и языком письменной литературы XI в. нельзя проводить резкой грани, следует также обратить внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что образцы фольклора в Словаре предстают не только в письменной фиксации, но также, скорее всего, и в письменной обработке составителя этого уникального труда, известного в свое время знатока современных ему тюркских языков и диалектов, в том числе и литературного языка (*türki haqanı*)¹⁷. Если применить к фольклорным записям Махмуда Кашгарского критерии соавторства, выработанные Д. С. Лихачевым на материале древнерусских рукописей¹⁸, то окажется, что составителя этого уникального раннесредневекового Словаря можно с полным правом рассматривать как соавтора сосредоточенных в нем иллюстративных материалов.

¹⁷ Подтверждением того, что письменная обработка фольклорных примеров могла производиться Махмудом Кашгарским совершенно непреднамеренно, служит самый факт варьирования пословиц и поговорок, которые приводятся в Словаре в качестве иллюстративных примеров. Так, дважды в Словаре приведена поговорка *sögüt süliñğa qaḅun qasuyğa* (МК I 33₄₋₅) «Ива [известна] своей свежестью, береза — своей корой», причем во второй раз (МК III 165₄) дана только вторая ее половина. Третьи встретилась другая пословица, в которой всякий раз дается разное дополнение к глагольной форме *tutmas*: *alyn arslan tutar küçin üjiq* (*kösük/suçqan*) *tutmas* (МК I 110₆; см. также: II 334₂₃, III 419) «Хитростью ловят льва, силой не взять и пугала (чучела/мыши)». Нижеследующие пословицы связаны одна с другой полным или почти полным тождеством одной части своего двучленного построения: *taḅuḅ uqruqun egmäs/teñizni qaḅuḅun bökmäs* (МК I 126₁₂₋₁₃) «Гору арканом не пригнуть к земле/море лодкой не запрудить»; *qurmuş kiriş tügülmäs/uqruqun taḅ egilmäs* (МК III 234₇₋₈) «Натянутая тетива не завязывается, /гора арканом к земле не пригибается»; *quruḅ juḅaḅ egilmäs/qurmuş kiriş tügülmäs* (I 198₆) «Сухое дерево не гнется, /натянутая тетива не завязывается». Особенно показательны полный и краткий варианты нижеследующей пословицы: *atasy anasy aḅuḅ almyla jesä oḅly quzu tuşu qamar* (МК III 28₉₋₉) «Родители кислые яблоки едят — у детей на зубах оскомина набивается» и *atasy aḅuḅ almyla jesä oḅlunur tuşu qamar* (МК II 360₁₁) «Отец кислые яблоки ест — у сына на зубах оскомина набивается». Наличие одного и того же вторичного (по В. М. Жирмунскому) диалектного признака (*almy-la* «яблоки») в обоих вариантах пословицы может свидетельствовать о том, что здесь мы имеем дело не с «областным» варьированием ее состава, но с результатом цитирования пословицы составителем Словаря по памяти.

¹⁸ Д. С. Л и х а ч е в. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 57 и сл.

Путем сопоставления наборов падежных форм в «Кутадгу билиг» и в поэтических фрагментах Словаря производится спецификация соответствующей грамматической категории в поэтическом языке XI в. Во-первых, определяется базисная система склонения, формы которой по регулярности употребления принадлежат к стилистически нейтральному слою.

Для поэтического языка XI в. базисной системой склонения являлась структурно выдержанная совокупность следующих регулярных черт: 1) падежные формативы с консонантическим началом — род. пад. -*nĭ*ŋ, вин. пад. -*nĭ*, дат. пад. -*ka/-ga* — как в именной, так и в посессивно-именной парадигмах и независимо от того, на гласный или согласный оканчивается склоняемое имя; 2) наличие инфикса -*n-* в дат., местн. и исх. падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица.

Благодаря этому последнему признаку обеспечивается противопоставление посессивно-именной парадигмы 3-го лица именной парадигме. Такое соотношение парадигм при общем выравнивании по признаку облиigatorности консонантических формативов род., вин., дат. падежей (для дат. падежа 3-го лица регулярным является морфемосочетание -*n-ga*) характерно для уйгурско-кыпчакского типа склонения. Из других черт к базисной системе склонения XI в. могут быть отнесены: 3) инстр. пад. на -*ŋ*; 4) исх. пад. на -*din*; 5) сильно развитая полифункциональность местн. пад. на -*da*; 6) что касается именного аккузатива на -*g*, то отнесение его к числу таких признаков более проблематично, поскольку он занимает различное место в языке разных памятников XI в.¹⁹

Во-вторых, путем такого сопоставления обнаружилась традиционно-литературная обусловленность наборов инодиалектных падежных форм: вин. пад. -*i*, род. пад. -*ŋ*, дат. пад. -*a*. Все они необлигаторны и нерегулярны, причем каждая из них имеет индивидуализированные ограничения в своем парадигмном распределении не только по памятникам, но и в пределах одного памятника. По своим внутрипарадигмным и межпарадигмным соотношениям они в совокупности составляют инодиалектную систему склонения огузского типа (огузские падежные формы). Как в «Кутадгу билиг», так и в поэтических фрагментах Словаря (в этом

¹⁹ Именно аккузатив на -*g* можно отнести к базисной системе склонения, скорее всего, только одного из этих памятников, а именно Словаря Махмуда Кашгарского. Здесь в именной парадигме -*g* и -*nĭ* используются примерно с равной частотностью, и не замечено, чтобы формы на -*g* встречались преимущественно в составе рифмы или же в устойчивых словосочетаниях. Между тем для «Кутадгу билиг» характерно литературно обусловленное употребление -*g*; те же случаи, когда -*g* выступает здесь за пределами рифмы или устойчивых словосочетаний, вызваны к жизни требованиями размера аруз. Вместе с тем в именной парадигме здесь явно доминирует вин. пад. на -*nĭ*.

последнем случае — с заметно меньшей частотностью) названные огузские формы варьируют соответствующие падежные формы базисной системы. Дело в том, что в каждой паре таких вариантов оказываются представлены разные типы ритмических окончаний; за счет такого варьирования обеспечивалось приспособление тюркского языкового материала к арабо-персидской метрике аруз. К тому же в результате взаимодействия регулярных форм базисной системы склонения и гораздо более редких варьирующих их огузских падежных форм создается своего рода поле стилистического напряжения. Огузские варианты, традиционно ассоциируемые в среднеазиатско-тюркских литературных языках с поэтическим, «высоким», стилем, превращаются в средство выражения поэтической приподнятости. Благодаря этому они, будучи вкраплениями на фоне регулярных форм базисной системы, могут обладать стилеобразующими потенциями. Поэтому наборы огузских падежных форм как в «Кутадгу билиг», так и в поэтических фрагментах Словаря вполне возможно относить к числу стилеобразующих морфологических признаков поэтического языка XI в.

Вместе с тем нельзя не отметить, что огузские формы, обусловленные как литературно-языковой традицией, так и требованиями метрики аруза, в письменно-литературном языке XI в. могли поддерживаться за счет контактов почти двухсотлетней давности между караханидскими уйгурами и огузским диалектным окружением²⁰.

В-третьих, благодаря тому, что при сопоставлении внимание было сосредоточено на разных текстах поэтических жанров, были получены некоторые неодинаковые по памятникам результаты, касающиеся самого характера употребления отдельных форм — именного аккузатива на -^og, направит. падежа на -^{ya}g, наличия или отсутствия своеобразных ограничений в функционировании каждого из них по текстам. Удалось заметить, что обе названные формы могут обладать известными стилеобразующими потенциями, которые по памятникам проявляются далеко не одинаково. В самом деле, только в «Кутадгу билиг» наблюдается преимущественное употребление словоформ именного аккузатива на -^og в составе рифмы и в устойчивых сочетаниях. Только в «Кутадгу билиг» отмечена возможность для местоименной словоформы напр. падежа *muñgar* «этому» выступать в готовых формулах типа *muñgar menzetü ajdy şa'ir bu söz* (КВ I 104 В 73₈₆₇) «Уподобляя

²⁰ Именно политической, экспансионистской активизацией огузских племен под предводительством вождей из рода кынык и семьи Сельджука в середине XI в. С. Г. Кляшторный объясняет тот замеченный им факт, что в Словаре Махмуда Кашгарского вся «сколько-нибудь существенная информация, имевшая тогда политическое значение, касается только огузов» (С. Г. К л я ш т о р н ы й. Эпоха Махмуда Кашгарского. — СТ. 1972, № 1, с. 22).

этому, поэт сказал таково слово»²¹. Только в «Кутадгу билиг» нам удалось наблюдать чрезвычайно специфичные и редкие случаи, когда именной аккузатив на -^og выступает в местоименной парадигме (olar-yŭ, bular-yŭ, öz-üg/öz-ig «самого себя», kim-ig «кого», neĝü-g «каким образом») ²².

Такое специфичное функционирование названных падежных форм именно в этой поэме может быть объяснено за счет индивидуально-творческой манеры Юсуфа Баласагунского, поскольку в поэтических фрагментах (равно как, впрочем, и в других группах материала) Словаля подобных особенностей использования их не встретилось.

Таким образом, жанрово-дифференцированное сопоставление, сочетающееся с приемом расслоения поэтических текстов, не только позволяет осуществить объективную проверку данных, полученных при анализе одного текста, но и обобщить их до уровня принадлежащих поэтическому языку XI в. Уже на этой первой ступени сопоставления становится возможным наряду с двумя слоями, вычлененными ранее посредством приема расслоения (стилистически нейтральная базисная система склонения и литературно обусловленный набор огузских падежных форм), выделить третий слой. Это индивидуально-творческий слой, как можно его назвать вслед за В. В. Виноградовым. Для этого слоя в XI в. использовались чаще всего формы, видимо, не вполне обычные для обиходного языка создателя того или другого текста (можно предположить, что, например, именной аккузатив -^og не был свойствен идиолекту Юсуфа Баласагунского, а напр. падеж -gar воспринимался им как устаревающая форма).

Самая возможность творчески индивидуализированного использования таких форм демонстрирует достаточно высокие стилеобразующие потенции тюркской морфологии в разные исторические периоды; формы названного слоя найдены нами не только среди именных и местоименных падежных форм, но также и среди глагольных форм (см. ниже). Таким образом, историческая грамматическая стилистика и история письменного-литературного языка соответствующего периода оказываются оснащены вполне конкретным материалом, полученным благодаря использованию приема расслоения поэтических текстов и путем жанрово-дифференцированного сопоставления.

²¹ Подробнее об этом см. нашу статью «О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов», с. 94—98.

²² Подобный единичный пример зафиксирован еще лишь в одном древнеуйгурском тексте из Турфана: män-ig «меня» (A. v. G a b a i n, *Altürkische Grammatik*. Lpz., 1950, с. 90). Этот единичный пример может рассматриваться как свидетельство тому, что индивидуально-творческое использование -^og Юсуфом Баласагунским в местоименной парадигме поддерживалось известными языковыми потенциями.

Следующая, вторая ступень жанрово-дифференцированного сопоставления подразумевает выход за пределы одного жанра, хотя анализ по-прежнему ограничивается рамками того же исторического периода и того же, юго-восточного, региона. Перейти к этой второй ступени для XI в. стало возможным, привлекая к сопоставлению, после предварительного отдельного их обследования по жанровому признаку, такие группы разнородного иллюстративного материала Словаря Махмуда Кашгарского, как пословицы с поговорками, прозаические примеры, в которых запечатлены разные варианты обработанного языка. Наддиалектный характер фольклорного языка пословиц и поговорок усугублен письменной фиксацией и вполне вероятной письменной обработкой их в Словаре (см. об этом примеч. 17 к с. 34). Относительно прозаических фразовых примеров в Словаре высказывались достаточно аргументированные мнения, что они сконструированы самим Махмудом Кашгарским для иллюстрирования заглавного слова (или словоформы) некоторых словарных статей²³; следовательно, и они принадлежат обработанному, скорее всего — письменно-литературному языку, знатоком которого являлся их автор. Лингвистический анализ позволил прийти к заключению, что языковые пометы в Словаре Махмуда Кашгарского касаются в основном языковой или диалектной принадлежности слова (или словоформы), которому посвящена словарная статья, но не иллюстративного материала.

Сопоставление заранее специально препарированных показаний текстов, принадлежащих к различным жанровым группам, призвано, прежде всего, верифицировать полученные выше результаты. Таким образом, проблема исторического соотношения литературного языка и языка художественной литературы, выдвинутая В. В. Виноградовым, преломляется здесь в плане объективной проверки результатов, получаемых при анализе тюркского склонения в конкретных текстах. На второй ступени жанрово-дифференцированного сопоставления для XI в. стало очевидно, что стилистически нейтральная базисная система склонения в ее классификационных признаках является общей не только для поэтической разновидности, но и для письменно-литературного языка в целом (более широко — для обработанного языка, включая его устно-фольклорную разновидность в письменной передаче) этого периода.

В том случае, когда стилистически нейтральная базисная система склонения с присущими ей внутрипарадигмными и межпарадигмными соотношениями вполне регулярно совпадает

---

²³ Введение. — Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. VII; см. также: Х. Г. Н и г м а т о в. Некоторые особенности тюркских авторских примеров в «Диване» Махмуда Кашгари. — СТ. 1972, № 1.

в разножанровых текстах, являясь общей для всех вариантов литературного языка изучаемого периода, возможно предположить, что в этой базисной системе нашла отражение диалектная основа письменно-литературного языка²⁴. Естественно поэтому сопоставить данную базисную систему склонения с соответствующей микросистемой одного из живых тюркских языков (диалектов) юго-восточного региона в том случае, если факты гражданской истории носителей этого языка не препятствуют такому сопоставлению. В случае принципиального совпадения обеих сопоставляемых систем и при благоприятствовании исторических и социолингвистических ситуаций данные этих памятников могут быть использованы при построении исторической грамматики живого языка. Так, базисная система склонения XI в. поддается сопоставлению с живым сарыг-югурским склонением, составляющим полную аналогию ей по всем классификационным признакам (особенно это очевидно для склонения в «Кутадгу билиг»). Сарыг-югуров Э. Р. Тенишев считает ответвлением древних уйгуров; их язык, по его мнению, в древности был такого же типа, как и древнеуйгурский литературный d-язык, естественно, с некоторыми диалектными отличиями²⁵. Учет вышеизложенного позволяет думать, что базисная система склонения XI в. может стать непосредственным объектом изучения исторической грамматики сарыг-югурского и некоторых близкородственных тюркских языков юго-восточного региона.

Здесь надлежит, однако, соблюдать необходимое правило. В целях исторической грамматики к сопоставлению с данными живых тюркских языков (диалектов) следует привлечь показания средневековых тюркских текстов только при условии, если они предварительно препарированы с помощью многоступенчатой методики, на основе чего выявляются опорные признаки базисной морфологической системы письменно-литературного языка изучаемого периода и отделяются литературно обусловленные («примесные») формы.

Таким образом, уже в пределах одного исторического периода союз исторической грамматики с историей письменно-литературного языка и с исторической грамматической стилистикой, при условии применения специально разработанной методики и комп-

²⁴ В этой связи представляется важным подчеркнуть известную однородность высказываний Бабур и Махмуда Кашгарского о диалектных основах современных им письменно-литературных языков. Бабур подчеркивал, что речь населения Андижана согласуется с письменным языком (The Bābarnāma. Ed. by A. Beveridge. Leyden — London, 1905, л. 25); Махмуд Кашгарский обратил внимание на то, что живущие в городах турки говорят на «тюркӣ хаканӣ» (МК I, 66), переносит тем самым название литературного языка на тот, базисная система которого в нем запечатлена.

²⁵ Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 166, см. 55—65.

лексной системы лингвистического описания средневековых текстов, оказывается весьма плодотворным: одна дисциплина помогает другой найти объект изучения и достаточно четко очертить его границы, а это, в свою очередь, позволяет осуществить строгую специализацию каждой из названных дисциплин.

Предлагаемое сочетание системного и жанрово-стилистического подходов, как и разработанная на этой основе методика, применимы для анализа конкретных разножанровых текстов любого исторического периода. Именно с этих позиций нами изучалось склонение в поэтических и прозаических текстах юго-восточного региона второй половины XV—начала XVI в.

Для этого периода, считающегося классическим в чагатайской литературе, характерно небывалое прежде развитие жанров светской литературы — как поэтических, так и прозаических. Довольно редкое для средневековой тюркской литературы совмещение самых разных жанров в творчестве двух выдающихся писателей этого времени — Алишера Навои и Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура — позволяет реализовать еще одну линию жанрово-дифференцированного сопоставления, которая имеет дело с языком поэтических и прозаических сочинений поочередно каждого из этих писателей. Такое разножанровое сопоставление внутри творчества одного писателя призвано углубить результаты ведущегося исследования, сделать их максимально объективными. Дело в том, что благодаря жанрово-дифференцированному сопоставлению внутри творчества одного автора представляется уникальная возможность снять допускаемые индивидуально-творческие различия при противопоставлении языка поэзии и прозы. Таким образом, многоступенчатое системное жанрово-дифференцированное сопоставление в руках историка языка становится чрезвычайно гибким и эффективным инструментом анализа, открывающим богатые возможности для адекватной интерпретации получаемых показаний.

Применительно к избранным источникам рубежа XV—XVI вв. мы стремились сочетать с приемом расслоения поэтических текстов различные приемы многоступенчатого системного жанрово-дифференцированного сопоставления — как при соблюдении жанровой дифференциации внутри творческого наследия одного писателя, так и при раздельном подходе к анализу языка поэтических и прозаических жанров данного периода.

Таким путем была установлена, прежде всего, базисная система склонения, формы которой стилистически нейтральны, регулярны, не знают никаких текстовых ограничений. Для базисной системы склонения письменно-литературного языка рубежа XV—XVI вв. характерна совокупность следующих признаков, распространяющихся как на именную, так и на посес-

сивно-именную парадигмы: 1) падежные формативы с консонантическим началом — род. падеж *-nıj*, вин. падеж *-ni*, дат. падеж *-qa/-ğa* — присущи обоим парадигмам, а обязательное их употребление не зависит от фонетических условий ауслата склоняемого имени; 2) отсутствие инфикса *-l-* в локальных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица. Ни по одному из названных признаков посессивно-именная и именная парадигмы не противопоставляются здесь друг другу. Подобное соотношение названных регулярно употребляющихся признаков принадлежит к карлукскому типу склонения, который представлен в живых новоуйгурском и узбекском языках. Из других признаков базисной системы склонения рубежа XV—XVI вв. назовем: 3) отсутствие именного аккузатива на *-o*; 4) отсутствие инстр. падежа на *-o*; 5) исх. падеж на *-dın*; 6) частичная полифункциональность местн. падежа на *-da*.

Формы базисной системы склонения, выделенные из текстов рубежа XV—XVI вв. путем разработанной методики, могут рассматриваться в рамках исторической грамматики узбекского и новоуйгурского языков. Этому не противоречат факты гражданской истории, равно как и данные исторической этнографии: отдельные этнографические группы носителей названных языков рассматриваются ею как исторические потомки тех племен, которые жили в Мавераннахре и сопредельных с ним территориях задолго до узбеков Шейбани-хана.

Наряду с этим вычленен литературно обусловленный и стилистически окрашенный слой инодиалектных форм, употребление которых в названный период падало главным образом на сочинения поэтических жанров. Эти падежные формы, свойственные поэтическому варианту письменно-литературного языка рубежа XV—XVI вв. (А. Н. Самойлович называл их «огузско-гуркменскими»²⁶), мы считаем конвергентными, огузско-кыпчакскими. Набор таких форм приходился, в основном, на посессивно-именную парадигму 1-го и 2-го лица ед. числа и 3-го лица, т. е. на ту часть, которой карлукский тип склонения особенно заметно отличается как от огузского, так и от кыпчакского типов. Отражение кыпчакских черт в чагатайском языке приобрело актуальность начиная с 20-х годов XV в., когда кочевые узбеки-кыпчаки стали грозной политической силой для тимуридского Мавераннахра. Происшедшая конвергенция форм склонения кыпчакского и огузского типов способствовала усугублению эффекта наддиалектности литературного языка.

Как и в XI в., инодиалектные формативы представляли здесь иные ритмические типы окончаний, нежели их соответствия в ба-

²⁶ А. Н. С а м о й л о в и ч. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атай.— ЗКВ. Т. 2. Вып. 2, 1927, с. 262.

зисной системе склонения; эти различия использовались главным образом в целях метрической организации стиха.

Набор инодиалектных падежных форм для поэтического языка рубежа XV—XVI вв. принципиально отличается от такого набора, вычлененного нами для поэтического языка XI в. Прежде всего, на рубеже XV—XVI вв. такой набор был весьма ущербен и охватывал в основном локальные падежи посессивно-именной парадигмы (во всяком случае, вовсе не встретился вокалический форматив вин. падежа -i, а форматив род. падежа -^o употреблялся весьма избирательно: только с местоимениями 1-го и 2-го лица мн. числа). Это, во-первых, вокалический форматив дат. падежа -a в посессивно-именной парадигме 1—3-го лица ед. числа; очень редко он попадался здесь и в именной парадигме. Во-вторых, это наличие инфикса -n- в локальных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица: в дат. падеже представлено морфемосочетание -n-a, частотность которого невысока; в местн. падеже — сочетание -n-da, частотность которого намного выше, чем у -n-a; в исх. падеже — сочетание -n-din, которое встречается в единичных случаях, гораздо реже, чем -n-a или -n-da. В частности, А. Рустамов полагает, что у Навои -n- в названных формах появляется «только по требованию размера»²⁷. Инфикс -n- в названных условиях в языке XI в. занимал принципиально иное положение: он был одним из характернейших признаков базисной системы склонения, причем здесь налицо морфемосочетание -n-ga для дат. падежа вместо огузско-кыпчакского -n-a.

Другое важное различие названных наборов XI в. и рубежа XV—XVI вв. состоит в том, что в поэзии как Навои, так и Бабура употребление инодиалектных форм было гораздо более строго дозировано, чем в «Кутадгу билиг», в поэтических фрагментах Словаря Махмуда Кашгарского или даже в поэзии старших современников Навои.

Вместе с тем некоторые из инодиалектных падежных форм изредка использовались Алишером Навои в прозаических сочинениях высокого стиля — как одно из средств, образующих этот стиль. Как показало лингвистическое сопоставление прозаических сочинений Навои и Бабура, инодиалектные формы не были специфичны в целом для прозаического варианта письменно-литературного языка рубежа XV—XVI вв.; в частности, они совсем не встречаются в «Бабур-наме», принадлежащем среднему стилю. Будучи обусловлены в прозе Навои индивидуально-творческой манерой писателя, эти формы составляют индивидуально-творческий слой прозаического варианта письменно-литературного языка рубежа XV—XVI вв.

²⁷ А. Р у с т а м о в. Некоторые падежные особенности языка Навои. — Лингвистический сборник. Таш., 1971, с. 46.

К этому же слою могут быть также отнесены формы, которые принадлежат к базисной морфологической системе, но в использовании которых проявляется специфическая индивидуальная манера того или иного средневекового автора (применительно к прозаическим или поэтическим жанрам). Среди глагольных форм, например, пассив выказывает стилиобразующие потенции в одном из редких для восточного средневековья произведений прозаического среднего (или нейтрального) стиля — в «Бабур-наме». Глаголы в форме пассива, способные здесь иметь при себе вин. падеж объекта, употребляются в депрещиативной функции — в стилистических целях умолчания об истинном производителе действия при повествовании от первого лица²⁸. Как правило, таким путем Бабур в своем «Бабур-наме» избегает «яканья»²⁹, не принимая тех самоуничжительных формул, которыми пользуется в прозаическом повествовании от 1-го лица Алишер Навои (bändä «раб», һаксаг «смешанный с землей; презренный»).

Естественно, что формы как идиолектного, так индивидуально-творческого слоев составляют, прежде всего, объект истории письменно-литературного языка, с одной стороны, и исторической грамматической стилистики — с другой, хотя, разумеется, они могут использоваться и при реконструкции эволюции соответствующей грамматической категории. Для целей исторической грамматики, призванной реконструировать исторические состояния того или иного общенародного языка, идиолектные формы не подходят как обусловленные прежде всего литературными факторами. К ведению истории письменно-литературного языка и исторической стилистики должны быть отнесены также способы сочетания таких форм со стилистически нейтральными формами базисной морфологической системы языка в каждый изучаемый исторический период. Необходимо всякий раз исследовать

---

²⁸ В языках других систем, в частности русском, где лично-числовой показатель агглютинируется не во всех временных формах глагола, нейтрализация авторского «я», например в формах прошедшего времени, может достигаться путем опущения подлежащего — личного местоимения 1-го лица ед. числа. Так, например, в прозаическом фрагменте И. А. Бунина «В стране прашуров» (Литературное наследство. Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973, с. 76—78) на протяжении трех страниц при глагольных сказуемых прошедшего времени ни разу не употреблено подлежащее — личное местоимение, и только из контекста можно понять, что здесь налицо эллипсис местоимения 1-го лица ед. числа.

В силу специфики грамматического строя тюркских языков эллипсис подлежащего *män* «я» не дал бы требуемого эффекта, поскольку соответствующий лично-числовой показатель с необходимостью присутствует в глагольной форме. В этих условиях нейтрализация 1-го лица ед. числа в тексте «Бабур-наме» производится за счет показателя пассива.

²⁹ Подробнее см.: Г. Ф. Б л а г о в а. Формы пассива, представленные в «Бабур-наме», и особенности их синтактико-стилевого использования. — «Asian and African Studies», 1 — 1965. Bratislava, 1965.

довать пути, которые ведут к складыванию конкретных полей стилистического напряжения, за счет чего и возникает необходимый стилистический эффект.

При этом необходимо иметь в виду, что стилеобразующие потенции далеко не одинаково проявляются у различных грамматических форм. В ряду словоизменительных категорий, помимо падежных форм, такими потенциями обладают личные формы (в основном 1-го лица ед. числа) отдельных глагольных времен — прошедшего на *-miş*, настоящего-будущего на *-ag*. Стилеобразующие потенции могут обнаруживать отдельные причастия (*-duk*, *-miş*) и деепричастия (*-iban*), а также довольно многочисленные послелоги (*janluq* «подобно», *kibi* «как», *ilä* «с», *tegrü/degrü*, *degin* «до, вплоть до» и др.)³⁰. Вместе с тем такие потенции не замечены, например, у имен действия.

В свою очередь, базисная грамматическая система письменно-литературного языка изучаемого периода в силу того, что именно в ней мог отражаться в большей или меньшей степени тот обиходный народный язык (или: диалект), на который был ориентирован письменно-литературный язык в данный исторический период и на данной территории, оказывается пригодной для исторической грамматики того или иного тюркского языка.

Итак, при комплексном (системном и жанрово-стилистическом) подходе для каждого из разнородных языковых элементов оказывается возможным найти наиболее целесообразный аспект анализа. В результате ни один из лингвистических фактов, драгоценных для историка языка, не исключается из такого специализированного рассмотрения, и достигается это более четким разделением сфер изучения.

Последовательное системное расслоение языковой ткани как поэтических, так и прозаических текстов средневековья (вычленение, с одной стороны, стилеобразующих морфологических признаков и прочих литературных напластований, а с другой — признаков базисной системы языка) позволяет произвести соответствующее разграничение также при построении периодизации истории того или иного старописьменного языка. А это представляется важным потому, что тем самым подобные периодизации получают собственно языковой материал, и притом не разрозненный, но системно обобщенный. В последние годы опытов периодизации появляется все больше и больше, особенно для узбекского языка. При этом каждый из таких опытов отличается от другого не объемом собственно языкового материала и не характером подхода к нему, но варьированием, в первую очередь, хронологи-

³⁰ См.: Г. Ф. Б л а г о в а. О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в. — Тюрко-монгольское языковедение и фольклористика. М., 1960, с. 36—38.

ческих границ древнетюркского и старотюркского периодов, а соответственно и хронологизации начала формирования староузбекского языка.

Не во всех этих опытах периодизации указано, является ли объектом рассмотрения письменно-литературный язык или же язык общенародный. В любом таком случае тюркологи никоим образом не имеют в виду ту «общую „объемную“ периодизацию», которая, по мысли Р. И. Аванесова, «должна строиться на синтезе периодизации истории народного диалектного языка и истории книжно-письменного (позднее литературного) языка»³¹ (разрядка наша. — Г. Б.). С учетом этого представляется необходимым и принципиально важным в каждом подобном опыте четко различать, строится ли периодизация истории общенародного обиходно-разговорного языка, или же это периодизация развития литературного языка³²: хотя та и другая свой материал для раннего и средневековых периодов черпают из сохранившихся текстов, принципы отбора должны быть разными в каждом из этих случаев.

О необходимости такого самоочевидного разграничения приходится говорить уже потому, что если, например, Г. А. Абдурахманов и Ш. Ш. Шукуров сосредоточивают свое внимание на истории узбекского литературного языка³³, то для Ф. А. Абдуллаева объектом исследования явился узбекский язык, без вычленения литературного и обиходно-народного³⁴. Соответственно в этом последнем случае без какого-либо отбора используются все языковые факты, встречающиеся в средневековых тюркских текстах юго-восточного региона, независимо от их жанровой принадлежности. В частности, для третьего периода исторического развития узбекского языка (XV—середина XIX в.) в целом, вопреки специальным указаниям А. Н. Самойловича³⁵, считается характерным сосуществование

³¹ Р. И. Аванесов. К вопросам периодизации истории русского языка, с. 22.

³² Периодизация среднеазиатско-тюркского литературного языка, которой придерживаются (с различными уточнениями и дополнениями) многие советские и зарубежные тюркологи, была предложена А. Н. Самойловичем: А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — Мир-Али-Шир. Л., 1928, с. 19—23.

³³ См.: Ф. Абдурахмонов, Ш. Шукуров. Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Морфология ва синтаксис. Тошкент, 1973, с. 19—25; Ш. Шукуров. О создании исторической морфологии узбекского языка. — Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР, с. 197—198.

³⁴ Ф. Абдуллаев. Ўзбек тили тарихини даврлаштириш масаласига доир. — «Ўзбек тили ва адабиёти». 1977, № 4, с. 28.

³⁵ А. Н. Самойлович еще в 1927 г. считал целесообразным говорить о «специально стихотворном чагатайском языке в отличие от прозаического», исходя как раз из «диалектальной смешанности» стихотворного языка, из

многих морфологических форм как карлукских, так и инодиалектных, огузских и кыпчакских; сделанная оговорка («особенно в литературном языке»)³⁶ еще более подчеркивает, что эта характеристика распространена автором не только на литературный, но и на общенародный узбекский язык названного периода. В числе других форм (из падежных к ним отнесен род. падеж на *-инг* — «в основном в поэтическом языке») важной особенностью этого третьего периода названы «западные» формы, часто употребляющиеся в поэтических трудах таких поэтов, как Алишер Навои и Лютфи: а) форма направит. падежа с аффиксом *-a/-ä*, в 3-м лице (посессивная форма) имени с аффиксом принадлежности часто встречается форма на *-на/-nä*, используемая и ныне в языках огузской группы (а также в хорезмских огузских говорах), ср. *атасына, елинä* и карлукскую форму *атасыга, елигä*. . .»³⁷. К. Махмудов, говоря о староузбекском языке, видимо, также имеет в виду не общенародный разговорный язык эпохи Навои, но письменно-литературный язык. Это видно хотя бы из того, как он утверждает, смыкаясь в этом с заключением Я. Эккмана³⁸, что формы локальных падежей посессивно-именной парадигмы 3-го лица с «вставочным *-н-*» в основном характерны для староузбекского языка³⁹.

Между тем в свое время А. К. Боровков, К. Брокельман, А. М. Щербак заметили, что в среднеазиатско-тюркском письменно-литературном языке как раз второй половины XV в., начиная с Навои (у А. М. Щербака — с Лютфи), явно доминирующая часть словоформ локальных падежей посессивно-именной парадигмы 3-го лица не имеет инфикса *-н-*⁴⁰, хотя в поэтическом языке Навои формы с *-н-* и без *-н-* могут перемежаться⁴¹. В свою очередь, исследователь поэтического языка Навои А. Рустамов

наличия именно в нем «значительных элементов „огузско-туркменских“» (А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэты XV в. Атай, с. 262).

³⁶ Ф. Абдуллаев. Узбек тили. . ., с. 28.

³⁷ Там же, с. 29.

³⁸ J. E s k m a n n. Chagatay Manual. Bloomington, [1966], с. 92, 94—95.

³⁹ К. Махмудов, К. Шаниязов. Об одной лингвистической работе. — «Общественные науки в Узбекистане». 1976, № 12, с. 52.

⁴⁰ А. К. Боровков. Очерки по истории узбекского языка. I. Определение языка хикматов Ахмада Ясеви. — СВ. Т. 5. М.—Л., 1948, с. 247; он же. Очерки истории узбекского языка. II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв. — СВ. Т. 6. 1949; с. 29; С. В р о с к е л м а n n. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, с. 76; А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, с. 93. Э. Р. Тенишев также называет чагатайский язык среди тех немногих языков, которые не имеют *-н-* в заданных условиях (Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 59).

⁴¹ С. В р о с к е л м a n n. Osttürkische Grammatik, с. 76.

уточнил литературную обусловленность такой вариантности, подчеркнув, что *-н-* здесь «появляется только по требованию размера»⁴² (разрядка наша. — Г. Б.); более того, помимо жанрово-текстовых ограничений, А. Рустамов склонен усматривать также лексемные ограничения в распределении именно морфемосочетания дат. падежа посессивно-именной парадигмы 3-го лица *-н-а*: «Вариант *-на* встречается только в составе слова *устина* „на, над“...»⁴³ (заметим, что столь жесткое лексемное ограничение не подтвердилось нашими наблюдениями).

Ясно, таким образом, что признаки, используемые в названной периодизации, относились не к общенародному староузбекскому языку, но к языку письменно-литературному, причем преимущественно к его поэтическому варианту. На этом примере становится очевидной необходимость в периодизации истории письменно-литературного языка учитывать дифференциацию его на типы или стили хотя бы в общем виде — на прозаический и поэтический. Такая общая дифференциация стилей целесообразна по следующим соображениям. В культуре средневековья, как известно, определяющую роль играло религиозно-дидактическое направление, и Ф. Энгельс подчеркивал «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности»⁴⁴. Засилье богословия препятствовало формированию стиля научной литературы как самостоятельного. Научным трактатам этого времени, в частности по философии и филологии, были свойственны велеречивость и метафоричность, затемнявшие логику рассуждения, причем здесь использовались те же системы образов и словесных формул, связанные с мусульманской образованностью, что и в литературе художественных жанров.

При разработке периодизации не следует пренебрегать свидетельствами средневековых авторов о современной им языковой ситуации (см., например, у Махмуда Кашгарского, Навои, Бабур). Благодаря использованию таких сведений, как и применению комплексной обработки средневековых текстов, появится возможность при периодизации исследовать также «меняющийся

⁴² А. Рустамов. Некоторые падежные особенности языка Навои, с. 46.

⁴³ Там же, с. 45.

⁴⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7, с. 360. См. там же: «... монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем».

характер его связей с общенародной разговорной речью и ее диалектами»⁴⁵.

При учете сказанного ясно, что вопрос об инодиалектных формах в письменно-литературном языке (языках) различных периодов требует всестороннего рассмотрения с целью выяснить в каждом конкретном случае, являются ли эти формы только данью книжно-письменной традиции, будучи обусловленными жанровой принадлежностью текста? Или же, например, традиционные огузские элементы в письменно-литературном языке поддерживались и стимулировались к тому же сильным влиянием контактировавшей огузской и кыпчакской диалектной среды?

А. К. Боровков, заметив продвинувший своими исследованиями среднеазиатско-тюркскую историческую диалектологию как самостоятельную дисциплину, не был склонен отвечать однозначно на этот вопрос и сводить все разнодиалектные формы в тексте к одному источнику⁴⁶. В работе 1949 г. он утверждал, что «источники всех диалектальных элементов находятся в самой Средней Азии . . . В дальнейшем эти диалектальные источники сыграли свою роль в образовании специально поэтического языка, достигшего такого блеска в творчестве Алишера Навои. . .»⁴⁷. Позднее ученый все более акцентировал внимание историков языка на «несомненном факте взаимных книжных влияний литературных тюркских языков различного диалектального происхождения»⁴⁸, а также на хронологической неоднородности юго-западных элементов в языке конкретного текста⁴⁹.

При системном и дифференцирующем подходе к изучению языка средневековых тюркских текстов и соответственно к вопросам периодизации истории письменно-литературного языка обнаруживается неодинаковость его связей с общенародной разговорной речью и ее диалектами уже в пределах одного XV в., который в некоторых из существующих периодизаций безоговорочно отнесен к третьему периоду истории узбекского языка. Между тем

⁴⁵ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958 (IV Международный съезд славистов. Доклады), с. 135.

⁴⁶ См.: А. К. Боровков. Очерки по истории узбекского языка. I, с. 249; он же. Лексика среднеазиатского тевсифира XII—XIII вв. М., 1963, с. 19 и сл.

⁴⁷ А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка. II, с. 51; он же. Очерки истории узбекского языка. III. — УЗИВАН. Т. 16. М.—Л., 1958, с. 209.

⁴⁸ А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка. III, с. 214. В связи с этим см. там же, с. 218: «В эпоху XI—XVI вв. в Средней Азии уже со всей определенностью наметилась диалектальная среда литературных тюркских языков: караханидско-тюркского, огузско-туркменского и узбекского».

⁴⁹ Там же, с. 198.

давно замечено, что у поэтов первой половины XV в. — старших современников Навои: Атай, Лютфи и других — весьма значителен вес инодиалектных падежных форм (дат. падеж на -а, инфикс -п- в локальных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица), в то время как в языке Навои употребление этих форм заметно ограничено. Не зря Я. Эккман на протяжении XV в. выделял для письменно-литературного языка два периода — «1. Доклассический период (с начала XV в. до составления Навои его первого дивана в 1465 г.). . . 2. Классический период (1465—1600) . . .»⁵⁰.

С учетом этого рельефнее становится видна роль Навои как реформатора письменно-литературного языка. Трудями Навои были выработаны, а усилиями его литературных соратников — прежде всего Бабура — были закреплены почти регламентированные пропорции использования инодиалектных грамматических форм (в первую очередь — падежных) в поэтическом языке (между тем как лексико-фразеологический состав как поэтического, так и прозаического языка Навои продолжал оставаться возвышенно-литературным, более чем наполовину состоящим из арабизмов и фарсизмов). Скорее всего, именно это новое соотношение письменно-литературного языка с обиходно-народной речью в трудах своего великого старшего современника имел в виду Бабур, когда говорил о том, что язык сочинений Навои согласуется с языком населения Андижана.

Высокая престижность регламентированных пропорций в использовании падежных форм карлукского типа склонения и инодиалектных форм для рубежа XV—XVI вв. может быть показана на примере «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха. Прошедший школу среди поэтов круга Навои, Мухаммед Салих, став впоследствии придворным поэтом Шейбани-хана и оказавшись в иной (хотя и близкородственной) диалектной среде, не подлаживался в языковом отношении к вкусам восхваляемого им узбеко-кыпчакского государя. Об этом свидетельствуют принципиально разные пропорции использования инодиалектных падежных форм в его «Шейбани-наме» и в сохранившихся стихотворных фрагментах, принадлежащих перу самого Шейбани.

Для периодизации развития не только общенародного языка, но письменно-литературного языка явно недостаточен круг избираемых грамматических и лексических явлений (названные выше падежные формы; преобладание деепричастий на -а, -й взамен -у/-йу; деепричастие на -бән/-бан в поэтическом языке; редкое употребление причастия на -дук/-дук; отсутствие причастий на -ғлы/-ғли, -ғу/-ғј, -дачу/-тачи⁵¹).

⁵⁰ J. E c k m a n n. Chagatay Manual, с. 9—10.

⁵¹ См.: Ф. Абдуллаев. Ўзбек тили. . . , с. 28—29.

В 1958 г. В. В. Виноградов предложил весьма плодотворный и целесообразный подход к изучению вопроса о периодизации истории литературного языка, который с успехом может быть применен и к периодизации развития общенародного языка. В. В. Виноградов полагал, что подобная периодизация должна «исходить сначала из периодизации развития отдельных частей литературного языка — его произносительных норм, его морфологического строя, его синтаксиса, его лексико-фразеологического состава»⁵². Материалы для частных периодизаций морфологического развития, например, узбекского, азербайджанского глагола уже собраны⁵³. Последовательное осуществление подобных частных периодизаций при строго дифференцирующем подходе к материалам, извлекаемым из текстов, обеспечит лингвистическими данными построение периодизации истории как письменно-литературного языка, так и общенародного языка. В свою очередь, это позволит несколько уравновесить абсолютное преобладание экстралингвистических факторов в ныне действующих периодизациях.

---

⁵² В. В. Виноградов. Основные проблемы, с. 135.

⁵³ См., например: Ш. Шукуров. История развития глагольных форм узбекского языка (настоящее и будущее времена). Таш., 1966; он же. Феъл тарихидан. Қадимги туркий ёдгорликлар тилида майл ва замон формалари. Тошкент, 1970; он же. Наклонения и времена глагола в письменных памятниках узбекского языка в сравнительном освещении. АДД. Таш., 1974; М. Рөһимов. Азербайжан дилинде фе'л шекиллэринин формалашмасы тарихи. Баку, 1965.